

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 135–142.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 2 (87):135–142.

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09"19"
DOI 10.37724/RSU.2025.87.2.013

Эпитетация тайны в текстах М. Цветаевой

Сергей Анатольевич Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия
gubanov5@rambler.ru

Аннотация. Эпитетация представляет собой когнитивно-семантический процесс преобразования признаковой структуры двух ментальных пространств: концептуальной области объекта эпитетации и признакового элемента эпитетного комплекса. С целью объяснения механизма образования эпитета представляется продуктивным использовать теорию концептуальной интеграции, или блендинга. Данный подход предполагает, что взаимодействие ментальных пространств происходит по причине выявления временных общих признаков между объектами и образования смешанного пространства (бленда).

Целью является описание эпитетации концепта «тайна» в текстах М. Цветаевой на основе блендирования признаков различных типов. Для полноты описания различных признаков рассматриваемого концепта были использованы такие источники, как Национальный корпус русского языка, словарь эпитетов русского литературного языка. Доказано, что эпитетация занимает одно из центральных мест в творческой лаборатории М. Цветаевой, что позволяет поэту неограниченно наделять объекты различными признаками. Когнитивной основой большинства атрибутивных конструкций выступает антропоморфная метафоризация и метонимизация. Расширение сочетаемости признаков слов с именем концепта «тайна» обуславливается авторской интенцией к описанию внутреннего мира лирической героини, где сокровенное, интимное, любовное является основным предметом рефлексии. Отмечается активность обращения поэта к соматическому коду при эпитетном осмыслении реалий; абстрактный концепт «тайна» имеет комплекс значений, среди которых выделяются такие, как «тайна творчества», «тайна сознания человека», «тайна бытия» и др. Когнитивный взгляд на эпитетацию проливает свет на принципы работы поэта с языком, дает возможность сформулировать закономерности образного моделирования реальности на основе ее признакового восприятия.

Ключевые слова: блендинг, идиостиль, концепт «тайна», Марина Цветаева, эпитет, эпитетация, эпитетный комплекс.

Для цитирования: Губанов С. А. Эпитетация тайны в текстах М. Цветаевой // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 135–142. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.013.

Original article

Epithetation of mystery in M. Tsvetaeva's works

Sergey Anatolyevich Gubanov

Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia
gubanov5@rambler.ru

Abstract. Epithetation is a cognitive and semantic process of transforming the feature structure of two mental spaces: the conceptual domain of the object of epithetation and the feature element of the epithet complex. In order to explain the mechanism of epithet formation, it seems productive to use the theory of conceptual integration (blending). This approach assumes that the interaction of mental spaces occurs due to the identification of temporary common features between objects and the formation of a mixed space (blend).

The aim of the study is to describe the epithetation of the concept “mystery” in M. Tsvetaeva’s texts on the basis of blending attributes of different types. For completeness of the description of various attributes of the concept under consideration, we use such sources as the National Corpus of the Russian Language and the Dictionary of epithets of the Russian literary language. It is proved that epithetation occupies one of the central places in M. Tsvetaeva’s creative laboratory, which allows the poet to endow objects with various attributes unlimitedly. The cognitive basis of the majority of attributive constructions is anthropomorphic metaphorization and metonymization. The expansion of combinability of attributive words with the concept of “mystery” is conditioned by the author’s intention to describe the inner world of her lyrical heroine, where the intimate sphere and love are the main subjects of reflection. We observe the poet’s active appeal to the somatic code in the epithetic comprehension of realities. The abstract “mystery” concept acquires a number of meanings, among which such as “the mystery of creativity,” “the mystery of human consciousness,” “the mystery of being,” and others. The cognitive view of epithetation sheds light on the principles of the poet’s work with language, making it possible to formulate the regularities of figurative modeling of reality on the basis of its sign perception.

Keywords: blending, individual style, concept “mystery,” Marina Tsvetaeva, epithet, epithetation, epithet complex.

For citation: Gubanov S. A. Epithetation of mystery in M. Tsvetaeva’s works. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 2 (87):135–142. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.013.

Введение

Теория атрибутивности обрела обновленный вид и пережила бум своего развития в связи с актуализацией вопросов антропологической лингвистики, связанных с процессами порождения речи [Арнольд, 2002 ; Гращенков, Лютикова, 2018]. В рамках данной теории получили новое значение такие понятия, как эпитет, эпитетация, перенос признака, смещенное определение и др. Синтез когнитивных и стилистических взглядов на процесс наделения объекта признаком выразился в становлении и развитии теории эпитетации [Булахова, Сковородников, 2017 ; Виноградова, 2021]. Под эпитетом стали понимать не просто образное определение, приносящее новый признак в семантическую структуру определяемого слова, в нем увидели выражение базовой когнитивной операции, присущей человеку, порождающему речь.

Эпитетация предполагает установление когнитивных взаимосвязей между различными объектами реальности на основе их признаковой природы: сталкиваясь в рамках эпитетного комплекса, единства эпитета и объекта эпитетации, они обмениваются признаками, выделяется общий для них атрибут и на основе этой общности происходит познание объектов. Общий признак может быть как вполне узуальным, так и потенциальным или окказиональным, что обусловлено субъективным восприятием его значимости в данном контексте. Происходит когнитивное моделирование временного концептуального пространства, объединяющего данные признаки объектов. Смещение признака связано с осознанием несвойственности атрибута объекту, что вызывает метафорический эффект при его восприятии.

Данное смещение заметнее в художественных и иных креолизованных типах текста, однако оно содержится и в речи, чаще в виде регулярных метафор и метонимий (властный взгляд, властный поступок). В авторской речи эпитетация имеет выраженный креативный характер и опирается на окказиональную логику поэтического мышления. Установление закономерностей эпитетации позволяет не только выявить специфику идиолексикона, но и взглянуть на данный процесс с когнитивных позиций.

Основная часть

Блендинговый характер эпитетации

По наблюдениям Н. Д. Арутюновой, базовые языковые категории оценки, факта и события структурируются прагматически, исходя из ситуативного варьирования смысла [Арутюнова, 1988]. Оценка относится к различным ситуациям, понятиям; их вербализация различна, однако признаковые слова выступают универсальным средством «овнешнения» широкого спектра оценочных значений, получая гибкие, пластичные трансформации семантики [Виноградова, 2021].

Концептуальная теория интеграции (блендинга) позволяет взглянуть на эпитетацию с позиции ее сущностной природы. Под концептуальной интеграцией ученые понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определенной схеме на различных уровнях абстракции и имеет четкую структуру, которая включает в себя исходные пространства (input spaces), общие пространства (generic spaces) и смешанное пространство (blended spaces) или бленд (blend) [Fauconnier, 1994 ; Sweetser, 2000].

На рисунке схематично изображен процесс блендирования признаков в процессе эпитетации (рис. 1).

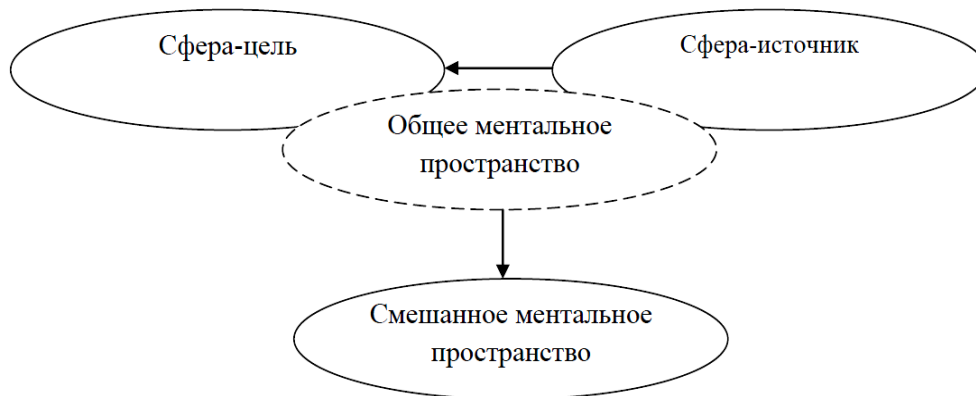

Рис. 1. Структура модели когнитивной метафоры в соответствии с теорией блендинга

В работе рассматривается эпитетация абстрактного понятия *тайна*, поэтому представим блендинговую основу данного процесса. Чаще всего происходит олицетворение тайны, наделение абстрактного понятия свойствами живого существа, а точнее человека. Когнитивной целью выступает стремление поэта назвать духовную сущность субъекта (абстрактное понятие), тогда как источником является физическая характеристика человека. Общим ментальным пространством считаем единство духовного и материального в человеке. Смешанное ментальное пространство представляет собой ассоциативное впечатление о том, что духовная сущность личности может моделироваться по подобию физического человека. На рисунке 2 схематично представлена структура данной модели (рис. 2).

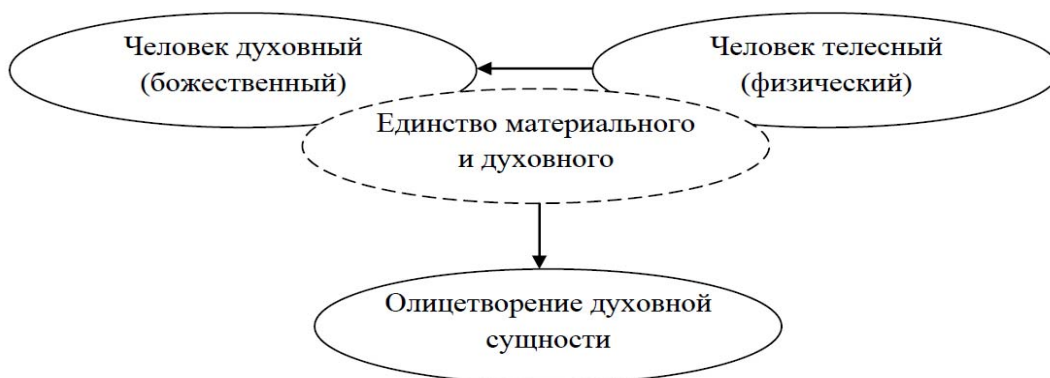

Рис. 2. Структура модели когнитивной метафоры
«Человек духовный (божественный) — Человек телесный (физический)»

Признаковое переструктурирование происходит в соответствии с логикой поэтического мышления, которая подразумевает осмысление человека, его органов («частей») в единстве с духовным воплощением, понимаемым в широком смысле, что включает в себя ум, душу, абстрактные этические, эстетические, социальные понятия, мир культуры. Отражение всего во

всем находит свое продолжение в принципиальной неограниченности экспансии признака в различные ментальные пространства, ощущение родства различных объектов и их признаков; подобная тотальная эпитетация характерна для языка как кодовой системы, а также для творчества крупных художников слова, к которым, без сомнения, относится М. Цветаева.

Окказиональность поэтического мышления М. Цветаевой

Окказиональность творчества М. Цветаевой отмечается многими ведущими цветаедами [Зубова, 1989 ; Ревзина, 1998]. Данная особенность имеет корни в специфике поэтического мышления, поскольку установка на обновление языка связана с поиском нужной формы для выражения мысли, это требование, эстетическая и логическая установка [Ревзина, 1998]. Еще более ярко это проявляется в прозе М. Цветаевой: даже письма она тщательно редактировала, превращая жизнь в творчество. В прозаических текстах отчетливо прослеживается тяготение поэта к парадоксальному, окказиональному постижению стихии слова и бытия [Ляпон, 2010].

Ощущение всеобщей связи явлений действительности приводит поэта к мысли о возможности, допустимости свободного ассоциирования всего со всем, что отражается в направлениях метафоризации и метонимизации [Грязнова, Губанов, 2023]. Имени прилагательному уделяется особое внимание; изучение атрибутивных конструкций, эпитетных слов, регулятивных структур атрибутивного типа подтверждает активное обращение поэта к эпитетации и важность данного процесса для языкового творчества [Громова, 2010].

В прозаических текстах находим немало рассуждений поэта относительно выбора нужного слова и происходящих при этом языковых метаморфозах: *Повторить себя в словах невозможно; любая же, самая малая, перемена речи — уже не повторение, а преобразование, за которым стоит другая суть* (Т. 5, с. 407)¹. Эта эстетическая установка на обновление языка, вера в его безграничные возможности приводит к тому, что тексты поэта насыщены различными лингвистическими экспериментами.

Семантика слов «тайна», «тайный»

Согласно словарю русского языка (МАС), лексема *тайна* имеет следующие значения: «1. То, что скрывается от других, что известно не всем; секрет. *Военная тайна. Тайна переписки. Тайна вкладов.* 2. То, что еще не познано, не разгадано, не стало известным или еще не достигнуто познанию. *Тайны природы. Тайны космоса*» [Словарь русского языка, 1988, т. 4].

Словарь эпитетов русского литературного языка фиксирует основное значение слова *тайна*: «...то, что неизвестно, непознано; то, что скрывается от других; секрет» [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 440]. Эпитеты к данному слову не дифференцируются по семантическим типам и даются единым списком (*беспощадная, большая, важная, вековая, грустная, душевная, заветная, интимная, молчаливая, радостная, смертная, сокровенная, темная, тревожная* и т. д. (58 единиц). Обращает на себя внимание тот факт, что данная абстракция мыслится в качестве вещи (объекта, предмета), поэтому приобретает параметрические показатели (*большая, маленькая*), однако в большей степени представлены прилагательные антропоморфного типа, указывающие на восприятие тайны, характер, скорее, не ее самой, а состояния человека, что характерно для русского языкового сознания: *печальная, страшная, тревожная, ужасная* и др. Уместно сравнить данную эпитетацию с эпитетацией объектов по линии «психологическое восприятие, воздействие, впечатление», как правило, выделяемую в иных статьях словаря, однако в этой не актуализируемую. Отдельно указываются логические определения: *военная, врачебная, государственная, дипломатическая, личная, общая, профессиональная, семейная, служебная, собственная, чужая* и др. [Там же, с. 440–441]. Синоним *секрет* не представлен в словаре, тогда как слово *загадка* имеет практически схожий состав эпитетов (26 единиц) [Там же, с. 152].

Согласно данным Национального корпуса русского языка, лексема *тайный* имеет в качестве определяемых такие слова, как *советник, вечеря, канцелярия, полиция, общество, голосование, агент, надежда, совет, типография* (по мере убывания частотности). Как показано в перечне, эпи-

¹ Тексты М. Цветаевой цит. по: [Цветаева, 1994–1995] с указанием тома и страницы; курсив в цитатах наш, кроме отдельно указанных случаев.

тетация возможна относительно лексемы надежда, тогда как остальные слова входят в идиоматические общеупотребительные выражения [НКРЯ]. Определения к слову *тайна* в данном источнике представлены лексемами (по мере убывания частотности): *святой, коммерческий, сокровенный, государственный, строжайший, неразгаданный, христов, семейный, непроницаемый, глубочайший* [Там же]. В данном перечне находятся оценочные прилагательные, причем в превосходной степени, что свидетельствует об осмыслении тайны как крайне недоступного для человека объекта.

Как свидетельствуют примеры эпитетов в различных языковых источниках, логические определения неизменно сохраняются в языке, тогда как оценочные определения имеют тенденцию к употреблению, актуализируя значение интенсивности. Метафоризация антропонимического типа характерна для речи и отражает переживания познающего субъекта, связанные с тайной, ее содержанием, силой воздействия.

Направления эпитетации тайны в текстах М. Цветаевой

Материалом для нашего исследования послужили тексты М. Цветаевой. Основным источником является Собрание сочинений поэта в 7 томах [Цветаева, 1994–1995], также привлекались материалы словаря поэтического языка Марины Цветаевой [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, 1996–2004], данные национального корпуса русского языка [НКРЯ]. *Объем выборки* составил 85 эпитетных комплексов, зафиксированных в текстах М. Цветаевой. *Объектом* анализа в статье выступают эпитетные комплексы (объект их эпитетации — лексема «тайна»), а также содержащие признаковый компонент «таинственный, тайный». *Предметом* исследования является образное признаковое моделирование концепта «тайна» в текстах М. Цветаевой. *Методологию* исследования составил когнитивно-семантический анализ языковых единиц, блендинговый анализ эпитетации, метод сплошной выборки, метод стилистического анализа текста, количественный метод определения частотности употребления лексем в составе идиостиля поэта.

Лексема *тайна*, по данным словаря поэтического языка Марины Цветаевой, употреблена в 49 контекстах; эпитет *тайный* имеет 26 употреблений, наречие *тайно* — 4, *тайком* — 6. В то же время зафиксированы окказиональные эпитеты *таинственно-богатый, таинственно-хрупкий, тайновидческий* [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, 2004, т. 4, кн. 1, с. 144–147]. Таким образом, в работе отмечается как эпитетация самого понятия тайны, так и наделение признаком тайный иных сущностей, что позволяет объемно оценить весь потенциал вербализации данного концепта. Лексемы-синонимы тайны не очень употребительны в поэзии: *загадка* (9 употреблений), *загадочный* (1 единица) [Там же, 1998, т. 2, с. 171], *секрет* (4 единицы) [Там же, т. 4, кн. 1, с. 354].

В прозаических текстах упоминаний тайны больше, что связано с активностью общеупотребительной лексики, особенно в письмах, хотя проза является также ценным источником для выявления специфики идиостиля М. Цветаевой: лексем с корнем *тайн-* было зафиксировано: 69 в 4 томе, 118 — в 5 томе, 44 — в 6 томе, 28 — в 7 томе. Эпитет *тайный* употребляется 17 раз, сочетаемость его достаточно стандартна (*тайный дом, шкаф, знак, шифр* и др.), однако отметим эпитетный комплекс *тайный жар*, часто связываемый цветаеведами с сущностью любовного и поэтического чувства М. Цветаевой. Она говорит о стихах А. Блока, а затем о себе: *Поможет жить. Нет! и есть — жить. Тайный жар и есть — жить. И вот теперь, жизнь спустя, могу сказать: все, в чем был этот тайный жар, я любила, и ничего, в чем не было этого тайного жара, я не полюбила* (т. 5, с. 511); метонимическое обозначение книги Пушкина также связывается поэтом с разгадкой тайны: *После тайного сине-лилового Пушкина у меня появился другой Пушкин — уже не краденый, а дарённый, не тайный, а явный, не толсто-синий, а тонко-синий, — обезвреженный, прирученный Пушкин издания для городских училищ с негрским мальчиком, подтирающим кулачком скулу* (т. 5, с. 73).

Эпитетация имени концепта *тайна* имеет ряд направлений.

1. Антропоморфное понимание тайны как сокровенного смысла, поэтому ее локализация связывается с «присутствием» в человеке (тайна бытия): *Сокровенную, подъязычную // Тайну жен от мужей, и вдов // От друзей — тебе, подноготную // Тайну Евы от древа — вот* (т. 3, с. 42).

Признаки тайны появляются в русле логики психологического восприятия абстракции, упомянутого нами выше, поэтому употребительны эпитеты *нежный, ласковый, тяжёлый* (осознание сущности тайны): *Подслушана нежная тайна* (т. 1, с. 58); *Не выдает заколдованный лес // Ласковой тайны мне снова* (т. 1, с. 140); *Мне в октябрьский вечер тяжёлые тайны // Не она поверяла, тоскуя* (т. 1, с. 89).

Персонализация тайны прослеживается в строках: *Знаю все, что было, все, что будет, // Знаю всю глухонемую тайну // Что на темном, на косноязычном // Языке людском зовется — Жизнь* (т. 1, с. 408).

Ассоциирование тайны жизни с человеком основывается на соотношении ментальных пространств абстракции тайна с признаками антропоморфного типа, создании временного общего признакового пространства, где данные атрибуты пересекаются, и формировании блендируемого образа, содержащего атрибуты проявления внутренней жизни человека, а иногда и внешней представленности субъекта (*подъязычная тайна*).

2. Параметрическое осмысление тайны имеет вид эпитетации, построенной на основе блендирования вещных признаков (размерных, объемных и др.) с ментальным пространством абстракции *тайна: За трепетом уст и рук // Есть великая тайна, молчанье на ней как перст* (т. 2, с. 173); *Причастись из древних рук моих // Великой тайны Голода и Жажды* (т. 3, с. 441).

3. Традиционно понимание тайны с позиции времени ее существования; как правило, она вечная, постоянная: *Пред вечной тайной расставайся // Прими, о принц, мое прости* (т. 1, с. 31); *нас неразрывной и вечной загадкой // Сон сочетал* (т. 1, с. 81).

Эпитет *тайный* в большей мере, чем эпитет *таинственный* отражает рассмотренную выше логику эпитетации. Из 26 эпитетных комплексов, зафиксированных в поэзии М. Цветаевой, 12 приходится на эпитетацию человека и мира артефактов.

Эпитетации подвергаются:

а) части тела человека и связанные с ними проявления: *Как на каждый слог — // Что на тайный взгляд // Оборачиваюсь* (т. 2, с. 257); *Господи! Душа сбывлась: // Умысел твой самый тайный* (т. 2, с. 149);

б) абстрактные понятия: *И тайная робость: // А кто-нибудь здесь... живет?* (т. 1, с. 105); *Твоя тайная грусть, // Твоя тайная грызть, // Бесхозяйная Русь, // Окаянная жизнь!* (т. 2, с. 112); *Тайная страсть моя, // Гнев мой явный* (т. 2, с. 84);

в) действия: *Веянье... Таянье... // Моление тайное* (т. 3, с. 339); *В час. Тайный приказ* (т. 3, с. 166).

Обращает на себя внимание конструирование новых лексем, созвучных и родственных семантически, что является идиостилевой чертой текстов поэта: *грусть — грызть*; искажение слова: просторечная форма *жизнь*.

Признак *тайный* призван отразить глубинное состояние субъекта, скрывающего различные чувства от любви, страсти до грусти. Героиня связывает себя с древними тайнами, видит себя пророчицей: *Из темного чрева, где скрытые руды, // Ввысь — мой тайновидческий путь* (т. 2, с. 17). Первые два эпитетных комплекса усиливают семантику сокрытости, поэт прибегает к соматической признаковой метафоре, а также к природному, «биофактному» пониманию природы тайны.

Амбивалентность, антонимичность мышления поэта проявляется в потребности конструирования окказиональных сложных эпитетов, которые в составе эпитетных комплексов передают сокрытость чувства: *Вы лишь в любви таинственно-богаты* (т. 1, с. 97); *В ней были движенья таинственно-хрупки. // — Как будто старинный портрет перед вами!* (т. 1, с. 55). Подобные признаки в составе эпитетных комплексов являются подтверждением установки поэта на столкновение «случайных», «любых» атрибутов для выражения необходимой мысли.

Логика эпитетации тайны разнонаправлена, передает неравнодушное восприятие сокровенного начала лирической героиней от осознания тайны бытия, «древнего знания» о мире (путь Сивиллы, пророчицы, тайновидицы) до тайного жара чувства.

Заключение

По результатам проведенного анализа механизмов эпитетации тайны в текстах М. Цветаевой можно заключить, что, несмотря на наличие общепозитической эпитетации (постоянных эпитетов), наделение объекта тем или иным признаком предстает в качестве творческого процесса, имеющего окказиональный характер. Такая окказионализация эпитетации рассматривается как неотъемлемая часть идиолекта поэта, необходимое средство вербализации нужного смысла.

Тайна осмысливается в текстах М. Цветаевой многогранно, что находит отражение в различных направлениях ее эпитетации. Ведущее место занимает антропоморфное осмысление данной

абстракции, что является продолжением вербализации глобального соматического кода в ее творчестве. Блендирование признаков абстрактного понятия и признаков более конкретных реалий подчеркивание неограниченность ассоциативного мышления поэта.

Перспективы исследования связаны с рассмотрением других концептов творчества поэта, с углублением когнитивно-семантического анализа идиостиля с опорой на теорию концептуальной интеграции. Данный подход считаем применимым и продуктивным для описания идиостилей различных писателей.

Список источников

1. Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык*. — М. : Флинта : Наука, 2002. — 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. — М. : Наука, 1988. — 338 с.
3. Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // *Экология языка и коммуникативная практика*. — 2017. — № 2 (9). — С. 122–143.
4. Виноградова С. А. Пластичность семантики признаков слов // *Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология»*. — 2021. — № 4 (71). — С. 30–38. — DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.030.
5. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. *Словарь эпитетов русского литературного языка*. — Л. : Наука, 1979. — 567 с.
6. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // *Rhema*. — 2018. — № 4. — С. 9–25. — DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33.
7. Громова А. В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М. И. Цветаевой) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. — 2010. — Вып. 6 (96). — С. 46–49.
8. Грязнова В. М., Губанов С. А. Гиперконцепт Качество как механизм вербального представления эпитетной парадигмы в творчестве М. Цветаевой // *Гуманитарные и юридические исследования*. — 2023. — Т. 10. — № 2. — С. 337–342. — DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.1.
9. Зубова Л. В. *Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект*. — Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. — 264 с.
10. Ляпон М. В. *Проза Цветаевой : Опыт реконструкции речевого портрета автора*. — М. : Языки славянских культур, 2010. — 528 с.
11. Ревзина О. Г. *Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т.* — М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. — Т. 2. — С. 5–40.
12. *Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т.* — М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004. — Т. 2. — 1998. — 552 с. ; Т. 4. — Кн. 1. — 2001. — 672 с. ; Т. 4. — Кн. 2. — 2004. — 784 с.
13. *Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой*. — 3-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1985–1988. — Т. 4. — 1988. — 795 с. — URL : <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 02.03.2025).
14. Цветаева М. И. *Собр. соч. : в 7 т.* — М. : Эллис-Лак, 1994–1995. — Т. 1. — 1994. — 640 с. ; Т. 2. — 1994. — 592 с. ; Т. 3. — 1994. — 816 с. ; Т. 5. — 1994. — 720 с.
15. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — 190 p.
16. Sweetser E. *Blended spaces and performativity // Cognitive linguistics*. — 2000. — Vol. 11, N 3-4. — Pp. 305–333.
17. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). — URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.03.2025).

References

1. Arnold I. V. *Stylistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk*. [Stylistics. Modern English]. Moscow, Flinta: Nauka, 2002, 384 p. (In Russian).
2. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt*. [Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka, 1988, 338 p. (In Russian).
3. Bulakhova N. P., Skovorodnikov A. P. On the definition of the concept of epithet (preparation for functional characteristics). *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Ecology of language and communicative practice]. 2017, iss. 2 (9), pp. 122–143. (In Russian).
4. Vinogradova S. A. Plasticity of the semantics of feature words. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Filologiya"*. [Bulletin of Tver State University. Series "Philology"]. 2021, iss. 4 (71), pp. 30–38. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.030. (In Russian).

5. Gorbachevich K. S., Khablo E. P. *Slovar epitetov russkogo literaturnogo yazyka*. [Dictionary of epithets of the Russian literary language]. Leningrad, Nauka, 1979, 567 p. (In Russian).
6. Grashchenkov P. V., Lyutikova E. A. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation. *Rema*. [Rheme]. 2018, iss. 4, pp. 9–25. DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33. (In Russian).
7. Gromova A. V. Expressive potential of adjectives in attributive regulatory structures of the epithet type (based on M. I. Tsvetaeva's poetry). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2010, iss. 6 (96), pp. 46–49. (In Russian).
8. Gryaznova V. M., Gubanov S. A. Hyperconcept Quality as a mechanism of verbal representation of the epithet paradigm in the works of M. Tsvetaeva. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. [Humanitarian and juridical studies]. 2023, vol. 10, iss. 2, pp. 337–342. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.1. (In Russian).
9. Zubova L. V. *Poeziya Mariny Tsvetaeyevoy. Lingvisticheskiy aspekt*. [Marina Tsvetaeva's poetry. Linguistic aspect]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1989, 264 p. (In Russian).
10. Lyapon M. V. *Proza Tsvetaeyevoy: Opyt rekonstruktsii rechevogo portreta avtora*. [Tsvetaeva's Prose: An attempt at reconstructing the author's speech portrait]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2010, 528 p. (In Russian).
11. Revzina O. G. Occasional Word in Poetic Language. *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaeyevoy: v 4 t.* [Dictionary of Marina Tsvetaeva's poetic language: in 4 volumes]. Moscow, Marina Tsvetaeva's House-Museum, 1998, vol. 2, pp. 5–40. (In Russian).
12. *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaeyevoy: v 4 t.* [Dictionary of Marina Tsvetaeva's poetic language: in 4 volumes]. Moscow, Marina Tsvetaeva's House-Museum, 1996–2004, vol. 2, 1998, 552 p.; vol. 4, bk. 1, 2001, 672 p.; vol. 4, bk. 2, 2004, 784 p. (In Russian).
13. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t. Pod red. A. P. Yevgenyevoy*. [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Ed. by A. P. Evgenyeva]. Moscow, Russkiy yazyk, 1985–1988, vol. 4, 1988, 795 p. Available at: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 02.03.2025). (In Russian).
14. Tsvetaeva M. I. *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected works: in 7 volumes]. Moscow, Ellis-Lak, 1994–1995, vol. 1, 1994, 640 p.; vol. 2, 1994, 592 p.; vol. 3, 1994, 816 p.; vol. 5, 1994, 720 p. (In Russian).
15. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994, 190 p.
16. Sweetser E. Blended spaces and performativity. *Cognitive linguistics*. 2000, vol. 11, iss. 3-4, pp. 305–333.
17. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)*. [National Corpus of the Russian Language (NCRY)]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 02.03.2025). (In Russian).

Информация об авторе

Губанов Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара).

Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика, стилистика, цветаеведение, метафорология, теория коммуникации.

Information about the author

Gubanov Sergey Anatolyevich — Doctor of Philology, Professor of the Department of philosophy, Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara.

Research interests: cognitive linguistics, cognitive poetics, stylistics, color studies, metaphorology, communication theory.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; принята к публикации 01.04.2025.
The article was submitted 05.02.2025; accepted for publication 01.04.2025.